
ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ ПЕРВОЙ-ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ВОЛН ИЗ РОССИИ (СССР) (на примере Германии)

В.А. Базанов

Калужский государственный университет
Университет Людвиг-Максимилиана (Мюнхен, Германия)
ул. Унтерхакхингер, 43, Мюнхен, Германия, 81737

Автор делает попытку в формате качественного социологического исследования сопоставить ценностные (культурные) системы общностей представителей разных волн миграции. Основой различия российских диаспор является специфика базовой идентичности и целей пребывания вне страны происхождения. Отмечена «монополия» страны исхода как индикатора идентификации; диагностируется возможность появления «конкурента», но не в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: идентичность, диаспора, религия, русское зарубежье.

С глубокой древности люди ставили перед собой проблему собственного осознания. Осмысление себя, понимание своего места в социальной структуре, соотнесение себя с теми или иными социальными группами особенно актуально на современном этапе развития общества, предполагающем увеличение плотности информационных потоков, интенсификацию передвижения людей и ресурсов, появление новых вызовов. К тому же «без глобализации не было бы такой масштабной и дисфункциональной социальной мобильности, выходящей за пределы границ конкретных государств» [4. С. 121].

Через изучение идентичности рассматриваются существенные черты современной жизни, состояние общества в стране, регионе, группе. Актуализированная идентичность выступает значимой мобилизующей силой, которая может быть разрушительной и созидательной. Так, с одной стороны, проблему этнического и религиозного радикализма исследователи напрямую связывают с обострением проблемы идентичности в условиях глобализации [12]. С другой стороны, осмысление национально-гражданской идентичности может способствовать национально-гражданской солидарности [3. С. 460]. Внимание к существующим культурным особенностям способно снизить напряженность процессов трансформации российского общества [5]. От самоидентификации во многом зависит оценка состояния общества, которую дают и сами россияне, и специалисты за рубежом, отвечающие за развитие партнерских отношений с нашей страной.

Если говорить о динамике идентичностей представителей российского социума, то надо отметить существенные перемены в политико-экономической ситуации. Большинство населения трудоспособного возраста стали свидетелями изменения границ страны, смены общественных отношений, идеалов и возможностей, следовательно, остро стоит проблема преемственности. Важным индикатором динамики развития страны и изменения культуры являются процессы миграции. В миграционной истории России можно выделить вполне конкретные волны [6. С. 495], и сопоставление различных волн миграции может прояснить картину динамики идентичности жителей страны, проблему преемственности.

Современные мигранты с пространства России в Германии не первые в том смысле, что в данной стране достаточно давно существуют представители «русского мира», поэтому важно определить, в какую среду попадают современные мигранты. Помимо выявления характерных особенностей восприятия респондентами самих себя, автор ставит цель проанализировать значимые отличия мигрантов от представителей принимающего населения, а также восприятие внешних условий переселения. Особенности идентичностей мигрантов из России и стран СНГ в данной статье будут рассмотрены на примере переселенцев в Германию. Основой для написания статьи послужили результаты исследования, проведенного автором в Баварии в 2009—2010 гг. в рамках программы ДААД (Немецкой службы академических обменов). Специфика проекта (исследование дисперсно-рассеянных этнических групп) и ограниченные временные рамки предполагают качественный характер сбора материалов для исследования. Поставленные вопросы изучались посредством включенного наблюдения с использованием нарративного интервью. В качестве теоретической базы был использован конструктивистский подход. В основе методологии исследования лежит феноменологическая традиция в социологии, а также теория аккультурации Дж. Берри [10]. Эмпирической базой исследования стали 64 нарративных интервью с потомками первой, участниками и потомками второй, третьей и четвертой волн эмиграции, проживающими в Мюнхене и пригородах.

Если рассматривать советский и постсоветский период, то можно выделить несколько волн исхода, причины которых и особенности протекания не тождественны. В соответствии с историческими волнами выделяются и исследуемые группы. Первая волна миграции связана со сменой государственного устройства в 1917 г. и первыми шагами советской власти. Эмигрировали люди самых разных возрастов, сословий [9], но при этом их в политическом смысле объединяло неприятие советской власти [2]. Для потомков первой волны данное неприятие выражается в непризнании социальных институтов, существовавших при советской системе (по оценкам одного из представителей третьей волны, это выражается, в частности, в недоверии к новоприезжающим). Второй важной особенностью идентичности представителей данной группы мигрантов является наличие общей православной культуры [8], что определяло их поведение и систему ценностей:

«С немками мне было хорошо общаться, но у меня не было чувства, что они полностью заинтересованны во мне, в том, что я переживаю. Я им много рассказывала, они мне много рассказывали, но не было чувства, что это человек, который заступится за меня и подруга на всю жизнь. Это такая все-таки временная, хотя я до сих пор общаюсь, но никогда не было такой надобности вот этому человеку все рассказать, поделиться с ним... Тут проблема, наверное, в том, что вера играет роль. Понятно, что с русским православным человеком верующим, который ходит в церковь, легче найти общие темы для разговора. Поговорить с ним о том, что действительно беспокоит, потому что именно эти темы, конечно, больше беспокоят, чем какие-то там Брэд Питт или я не знаю что. А с немцами об этом невозможно говорить».

Очевидно, что особая роль базовой идентичности предполагает наличие институтов передачи данной системы ценностей и поведения. Ввиду отсутствия

в диаспоре формальных централизованных органов власти данные институты будут иметь особое значение. Управление поведением берут на себя традиции, обычаи, религия и другие культурные представления о принципах социальной деятельности, особую роль приобретают культурные и религиозные институты:

«Я-то общаюсь в основном если и с русскими, то только с верующими. У меня проблема в том, что у меня русскость связана с православностью».

Однако следует отметить, что у старшего поколения на эту особенность длительное время накладывали отпечаток политические представления. Для младшего поколения благодаря общению с представителями разных волн внутри культурных и религиозных институтов, данная особенность сглаживается.

Наличие идентичности, предполагающей социализацию в институтах страны исхода или общинах переселенцев и соответствующее ей чувство принадлежности, не отрицает существование иных идентичностей. Более того, многие авторы ставят вопрос о двойной [11] и даже множественной идентичности членов общин переселенцев [13]. Базовая идентичность присуща всем членам диаспоры, а дополнительной идентичностью является чаще всего культура местного населения. В ходе наблюдения были выявлены и явления ассимиляции, происходящие в первую очередь по причине трудности сохранения культуры из-за закрытости границ. Но именно культурно-религиозные установки и ценности данной группы часто препятствуют ассимиляции:

«Если бы был выбор, с кем общаться больше — с русскими, с немцами или с третьими лицами... я бы общалась скорее с русскими. Мне приходилось работать в Югендамте [управление по делам молодежи] с немцами, и это было для меня ужасно. Там, конечно, все были старше меня, но не в этом дело. Тяжело просто с немцами. Я даже не могу этого объяснить, но они какие-то сухие, скучные, неинтересные. Не все, но... Например, я общалась с Бетроэр [руководитель, куратор], она семью свою бросила, изменяет мужу с каким-то типом, который своей семье изменяет. И я это все слушаю, и думаю: „Боже мой!“... И настолько это нормальным считается. Она мне рассказывала, что она с каким-то типом ездила на Гавайи, который ради нее бросил свою семью. Разрушил. И ребенок был, и жена устраивала ему скандалы».

Вторую волну миграции составляют люди, в основном оказавшиеся на территории Третьего Рейха. Некоторые попадали в плен, немалое количество людей было насильственно вывезено в лагеря, но были и добровольно уходившие от наступающих советских войск [7]:

«...Мы отступали и уходили от этой армии, может быть, даже интенсивней, чем сами немцы, проигравшие эту войну. А дело в том, что мы, любя свою родину — не Советский Союз, а Россию — и в самой стране, и покидая ее, были противниками коммунизма. И мы очень хорошо знали, что с приходом Красной армии неминуемо будет расправа и с белой эмиграцией, которая в свое время ушла из России, и с нами — вне зависимости от того, вынуждено или не вынуждено, по увозу немцев, мы покинули страну — все равно с нами будут расправляться. Сталин сказал: «У нас пленных нет». Большинство из тех, кто уехал на родину, закончили свою жизнь в концлагерях. Поэтому мы остались в как будто враждебной Германии. Да, действительно, враждебной Германии, которая напала на Россию. А мы были между двух огней: между гитлеризмом и коммунизмом... Мы бежали, потому что другой возможности не было.

Мы попали бы в ГУЛАГ все, и пропали бы. Там бы никто не остался бы в живых. Может быть, я выжила бы в детдоме каком-нибудь, но ни родители, ни брат, который был больной, никто бы не выжил».

Мигрировали люди, социализированные в системе функционирующего советского государства, имеющие опыт стабильного существования советской системы. Именно этот опыт часто делал представителей данной группы еще более нетерпимыми к коммунизму.

Заметную роль в определении собственной идентичности играет религиозная составляющая, которая связывается с ситуацией и в стране исхода, и в стране пребывания:

«Мы-то только говорили по-русски, и все мы православные, все праздники, традиции все соблюдали. И у нас было запрещено вообще говорить по-немецки. Мы могли говорить на любом другом языке, только не по-немецки... Все нации различны. Никакого слияния здесь быть не может. Нас может соединить в братство только вера в Бога, а в Европе это с каждым годом все ослабевает. У нас, слава Богу, это возрастает, а у них здесь много проблем: церкви пустыют, во многом это формально. Хотя есть интересные случаи...»

Важно отметить, что православная культура и религиозная жизнь не всегда тождественные понятия, хотя, конечно, значительно пересекающиеся. Часто речь идет именно о культурных формах, сложившихся при участии религиозной жизни, но не о вере. Показательным является следующее высказывание респондента:

«Мы все были православные, но мы относились к этому как к части нашей культуры, нашей жизни и из этого не делали никакого культа, как вот те, которые теперь очень часто... Мне это совсем не нравится. Понимаете, как говорится, были сначала партийными, а теперь стали религиозными. Это такой фанатизм какой-то... Для нас это было привычно. Это все часть нашей жизни, нашей сути. Без этого мы не могли себя представить, что, например, Пасха без церкви. Это обязательно... Были иконы, в церковь ходили, но не обязательно, например, каждое воскресенье. Когда была потребность, то ходили. Как-то к этому относились более либерально».

Как и в случае с представителями первой волны, большое значение имеет наличие дополнительной культурной самоидентификации, которая усиливается при соприкосновении с реалиями страны исхода. В целом, мигранты первой и второй волн имеют схожие критерии самоидентификации, их наполнение фактически составляет единую культурно-этническую группу «русское зарубежье». Объединяющую роль здесь сыграл факт принадлежности мигрантов двух первых волн часто к одному поколению. Кроме того, внешним закрепляющим фактором идентификации послужила политика страны исхода по отношению к мигрантам: государство исхода всячески пыталось преуменьшить значение данной группы [17]. «Попытки покинуть пределы страны рассматриваются как предательство, измена, переход в другую общность, заведомо враждебную нашей» [1]. Данная политика иногда заключалась в физическом уничтожении представителей диаспоры. Фактором, позволяющим объединить представителей данных волн в единую группу, является и смешивание потомков указанных волн. При проведении исследования не всегда

было просто разграничить указанные волны, если интервьюируемый является потомком мигрантов в третьем-четвертом поколении. Основной проблемой, которую обозначают представители данной группы, является передача культурной идентификации следующим поколениям:

«Когда у нас появились дети, то началась драма, о которой мы не ведали и не мечтали. А именно: наши дети с пеленок окунулись в немецкий океан. Наши дети постепенно стали превращаться в немцев. Они приходят из школы и заняты немецкими проблемами, их русский язык не интересует. В особенности это в тех семьях, где смешанные браки, где мама, скажем, немка, или, наоборот, если мать немка, то ребенок немец. Русские сказки, русская культура становятся второстепенными, третьестепенными, а потом и вовсе нежелательными. И у тебя вырастают чужие дети... Я бы хотела, чтобы они наравне с европейской культурой узнали и взяли на вооружение культуру, веру и красоту, которую имеет Россия. Они же русские, у них никакой капли крови со стороны нет...»

Третья волна миграционного исхода из Советского Союза охватывает период холодной войны, начиная с послевоенного времени и заканчивая 1991 г., когда был принят закон, снимающий ограничения на выезд за границу. Русская миграция называется «русской» уже с определенной долей условности, поскольку объединяет людей разной этнической принадлежности — примерно 1 136 300 человек выходцев из бывшего СССР. За этот период из Советского Союза выехали 300 000 евреев, 414 400 немцев, 84 100 армян, 24 300 понтийских греков, 18 400 человек, принадлежащих к общинам баптистов и пятидесятников и 2800 представителей других национальностей [16]. При этом «до 1980-х годов евреи составляли большинство, причем чаще решительное большинство эмигрантов из СССР» [6]. Резко возросло число людей, едущих за границу на учебу, в командировку и т.д. Из указанных цифр видно, что русская этническая культура часто не являлась базовой. Однако социализация в рамках существующей системы страны позволяет говорить о некоей единой идентичности участников данного переселения:

«Ну, получилось так. Я принимал активное участие в правозащитном движении в бывшем Советском Союзе. Вот. Ну и у меня, понимаете ли, получилось, что сюда убежал. У нас в доме в Москве был обыск. И когда был обыск, то было обнаружено, что я принимал участие в правозащитном движении... во времена Андропова еще. И вот после обыска по личному распоряжению Андропова нас выслали в Вену. Почему в Вену — дело все в том, что им нужно было создать впечатление, что выезжают, иммигрируют одни евреи. А я-то русский. Поэтому я получил фиктивное приглашение из Израиля на всю семью. И нас выслали в Вену».

Важным аспектом самоидентификации является неприятие социальной системы страны исхода, что определяется значительными ресурсами и альтернативными издержками, требуемыми на этапе потенциальной миграции. Представители данной волны в связи с тем, что в то время было мало специалистов со знанием русского языка как родного, находили себя в качестве посредников, переводчиков. Эта особенность, вероятно, указывает на то, что сохранение данной волны связано с посреднической деятельностью, которая до 1991 г. не имела столь мощных ре-

сурсов. На первом этапе после либерализации миграционного режима Советского Союза представители данной группы имели уникальные возможности:

«И тут даже когда сын учился — где, я точно не помню — то в порядке культурного обмена из Германии, точнее из Мюнхена, была направлена группа немцев, чтобы в Москве давать спектакли в ГИТИСе, театр есть там такой. И моего сына отправили в Москву как руководителя театральной группы... Почему именно его? Потому, что он знал русский язык».

Но в целом для представителей данной группы характерно небольшое количество контактов со страной исхода.

Начиная с третьей волны, все большую роль начинают играть процессы, происходящие в стране переселения. Так, Германия (в частности, Мюнхен) во времена холодной войны была одним из центров антисоветской деятельности, поэтому Мюнхен сосредотачивал мигрантов, желающих принимать в ней участие. Встречи мигрантов третьей волны с мигрантами ранних периодов не всегда проходили с полным пониманием из-за разности критериев самоидентификации, хотя взаимный интерес первоначально проявлялся с обеих сторон:

«Еще не было контакта с Россией, поэтому, когда приехали первые диссиденты, то я смотрела, есть ли там дети... У нас много детей диссидентских жило, и они не говорили ни на каком другом языке, только по-русски».

Отсутствие возможности практиковать культуру, связанную с религией, сталкивалось с важностью понимания ситуации в стране:

«...И так мало-помалу я познакомился с большим количеством русскоязычных... И первое впечатление о них было не очень хорошее. Во-первых, они сами ко мне начали относиться отрицательно, хотя я им ничего плохого не сделал. Потому что, когда я говорил, что я правозащитник, они почему-то стали предполагать, что я еврей. И ко мне относились поэтому крайне отрицательно. Они тут застряли в той ситуации, которая была тогда в Советском Союзе, они ее не представляли. Они отстали. Но, в конце концов, примирение произошло, но слишком поздно... Сначала они не хотели общаться со мной, подозревали во всем нехорошем... А изменилось это потому, что я стал посещать церковь. В конце концов, я нашел, где церковь находится. Нашлись добрые люди, которые подсказали, где. Я стал посещать церковь, и ко мне после этого отношение стало лучше».

Встречи представителей разных волн миграции осложнялась и внешними факторами. Так, одной из основных площадок взаимодействия была радиостанция «Свобода», но администрация радиостанции преследовала свои интересы, которые часто разъединяли представителей разных волн:

«У меня только не было дружбы и контакта с ненавистниками России. А они были у нас на радиостанции. У нас вначале были люди из России, из Советского Союза, которые с нами, с русской службой были друзьями. Мы собирались вместе, у нас вечеринки были, мы праздники вместе проводили — и татары и украинцы. Это же одна страна, это же едино. А потом, постепенно линия передач и состав редакции стал меняться. Украинцев тех, которые были вообще прорусские, повыгоняли, и взяли западников, которые с нами были, как говорится, на ножах — балтийцев, других совсем. И многие редакции тоже давили, чтобы они были антирусскими. Вот тогда началась другая жизнь у русских патриотов...»

По оценкам мигрантов данной волны, выросших в Германии, сохраненная культура воспринималась через культурно-религиозные маркеры не только при контактах с представителями русского зарубежья, но и местным населением:

«...После того, как я усвоила немецкий, по-моему, меня отличить было вообще невозможно. Наоборот, у меня даже иногда оценки по немецкому были лучше, чем у других. И теперь я немецкий знаю получше русского. Не знаю, как-то так это превратилось в первый язык... В школе и всем всегда было интересно, кто же мы такие — экзоты какие-то. ...В общем, на то, что мы русские, никаких реакции не было, так как мы говорили по-немецки хорошо. Ну, было много вопросов, но таких заинтересованных. Конфликтов никаких никогда не было. Просто люди интересовались, как мы живем, что такое вообще православие, почему мы такие странные, постимся? Вопросы были, скорее, в эту сторону... Пост, службы — по субботам не ходим на вечеринки, а иногда бываем в храме. Каждое воскресенье не высыпается, а идем на службу — вот это иногда вызывало удивление. Потом, конечно, немцы ввели это... ну, например, что у нас другой календарь. Рождество мы празднуем в другое время, меня иногда не было в школе седьмого числа. Ну, вот так как бы проявлялось. Ну, просто, личная жизнь проходит немного по-другому, чем у немецких товарищей».

Представители третьей волны прошли основные этапы социализации в культуре, которая к тому времени не полностью совпадала с культурой «старой России», тем более что дополнительная идентичность (в некоторых случаях, возможно, и базовая) представляла собой культуру национальных меньшинств страны. Религиозная составляющая далеко не всегда была тем важным элементом, который определял поведение и систему ценностей. Более того, реализация религиозной православной культуры могла протекать иным образом. Фактор религии играет наиболее заметную роль в контактах, но включения новых мигрантов в структуру русского зарубежья в целом не состоялось [8]: идентификация со страной исхода была слабой; в случае поддержания идентичности и контактов преобладает скорее фактор знания о стране, использование своего положения в стране пребывания, иногда контактов с представителями русского зарубежья.

Итак, к началу четвертой волны можно говорить о наличии двух различных с точки зрения идентичности групп переселенцев. Для первой группы характерно стремление к сохранению и даже консервации полученной в стране исхода культуры. Представители третьей волны идентифицировали себя уже с иной точки отсчета: важным отличительным признаком является фактор религии, точнее, культуры, основанной на преемственности религиозных традиций. Вхождение в эти традиции позволило представителям новой волны войти в общины русского зарубежья, но в большинстве случаев ввиду особенностей социализации и национальной принадлежности данное вхождение не происходило.

Основой различия двух диаспор служит специфика базовой идентичности и цели пребывания вне страны происхождения. Если основой идентичности первых волн диаспоры служит идея, что советская власть разрушила русскую культуру, то для поздней диаспоры идеи и символы советского периода составляют часть идентичности. Соответственно, интерпретация исторических событий становится источником разногласий. Наиболее заметным таким историческим событием явля-

ется Великая Отечественная война. Патриотические компоненты толкования данного события были пересмотрены незначительно: хотя историками и политиками такие пересмотры осуществлялись, они оказались значимыми скорее для узкой группы экспертов и незначительно повлияли на структуру идентичности. Более того, в рамках новой российской политики ряд советских интерпретаций был акцентирован и усилен. В этом смысле, к примеру, часто наблюдаемой ошибкой является педалирование одного из вариантов такой интерпретации, на официальных мероприятиях заграничных учреждений МИД России.

Важной особенностью является и монополия идентификации со страной исхода. Как представители русского зарубежья, так и более поздние переселенцы связывают себя со страной исхода и ее культурой. Появление конкуренции на данном поле, возможно, приведет к более глубокому разделению, тем более что все опрошенные имеют гражданство страны пребывания или третьих стран. Получение российского гражданства для подавляющего большинства респондентов не стоит на повестке дня. Наиболее вероятным конкурентом здесь выступает церковь, и даже в современной ситуации не раз приходилось слышать в интервью: «Моя родина — это Русская зарубежная церковь». В случае усиления данного фактора будет происходить сближение православных народов Европы. Данной тенденции может способствовать и наличие дополнительной общей компоненты идентичности мигрантов — идентичности страны пребывания, а также опыт миграции и межкультурного общения.

Разнообразие и сложность миграционных процессов, их зависимость от множества факторов и обстоятельств требуют продуманной комплексной политики. В последние годы российские власти пытаются «использовать» мигрантов для улучшения демографической ситуации в стране, как ресурс влияния и средство улучшения политического имиджа. Вместе с тем организационные и финансовые ресурсы российского государства не будут эффективно использованы, если, во-первых, не проводить дифференциацию различных групп мигрантов из нашей страны; во-вторых, не оценивать особенности идентичности и коммуникативного пространства их социализации.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ахизер А.* Эмиграция как индикатор состояния российского общества // «Русский Архипелаг» сетевой проект «Русского мира». — URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/volnihrono_retro/indication
- [2] *Бунин И.А.* Миссия Русской эмиграции. (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 года). — URL: <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/missiya-emigracii.htm>
- [3] *Дробижева Л.М.* Противоречит ли этническая идентичность общероссийской // Социальное неравенство этнических групп. Представления и реальность. — М., 2002.
- [4] *Кравченко С.А.* Развитие социологической теории в начале третьего тысячелетия: по материалам международных конгрессов и конференций // Гуманитарный ежегодник. — 2008. — № 7
- [5] *Охана Я.* Молодежь в России. — URL: http://www.unrussia.ru/publications/youth_in_Russia_Executive_Summary_rus.pdf

- [6] Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию// Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. — М., 2005.
- [7] Полян П.М. Советские граждане в рейхе: Сколько их было? — URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/data/273/414/1216/009.POLIAN.pdf>
- [8] Попков В.Д. Эмиграция из Российской империи и Советского Союза в Европу: сравнительный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2007. Т. X. № 3.
- [9] Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Educational Orthodox Society “Russia in colors”. — URL: <http://tricolor.org/history/re/24>
- [10] Berry J.W. Conceptual approaches to acculturation // Chan K.M. Acculturation. Advances in theory, measurement and applied research. — Washington, 2002.
- [11] Clifford J. Diasporas // Cultural Anthropology. — 1994. — N 9(3).
- [12] Della P.D., Tarrow S.G. Transnational protest and global activism. — Oxford, 2005.
- [13] Der-Karabetian. Vielfältige soziale Identität als Reflektion der Moderne // Dabag M., Platt K. Identität in der Fremde. — Bochum, 1993.
- [14] Die ausländische Bevölkerung nach der Staatsangehörigkeit // Statistisches Amt der Landeshauptstadt München. — URL: http://www.mstatistik-muenchen.de/themen/bevoelkerung/jahreszahlen/jahreszahlen_2009/p_jt100112.pdf
- [15] Die Bevölkerung am 31.12.2009 differenziert nach Migrationsgruppen // Statistisches Amt der Landeshauptstadt München. — URL: http://www.mstatistik-muenchen.de/themen/bevoelkerung/jahreszahlen/jahreszahlen_2009/p_jt100103.pdf
- [16] Heitman S. The Third soviet emigration: Jewish, German and Armenian emigration from the USSR since World War II. Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. 21. Köln, 1987. — URL: <http://pi.library.yorku.ca/ojs/index.php/refuge/article/view/21717/20387>
- [17] Hettlage R. Diaspora: Umriss einer soziologischen Theorie // Mihran D., Platt K. Identität in der Fremde. — Bochum, 1993.

THE IDENTITY OF MIGRANTS FROM RUSSIA OF THE FIRST-SECOND AND THIRD WAVES (example of Germany)

V.A. Bazanov

Kaluga State University
Ludwig-Maximilian University (Munich, Germany)
Unterhakhinger str., 43, Munich, Germany, 81737

The article represents an attempt in the format of qualitative sociological research aimed to compare the value-based (cultural) systems of communities formed by different migration waves. The key differentiating feature of the Russian diasporas is the specific basic identity and the purpose of residence outside the country of origin. The author points to the “monopoly” of the country of origin as a characteristic of identification; he also analyzes the possibility of “rivalry”, though not in a short-term perspective.

Key words: identity, diaspora, religion, Russian ‘foreigners’.